

П. И. Мельников

**Исторические очерки
поповщины**

Часть 1

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
П11

П11 **П. И. Мельников**
Исторические очерки поповщины: Часть 1 / П. И. Мельников – М.: Книга
по Требованию, 2022. – 287 с.

ISBN 978-5-518-10946-9

ISBN 978-5-518-10946-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.



Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ГЛАВА I.

Начало раскола старообрядства.

Въ старые годы грамотныхъ людей на Руси было очень мало, а полуграмотные переписчики церковныхъ книгъ, по невѣжеству, вносили въ нихъ самыя грубыя ошибки. Къ тексту, исполненному такого рода ошибками, предки наши постепенно привыкали. Черезъ два-три поколѣнія ошибка переписчика дѣлалась уже святынею для набожныхъ людей, строгихъ ревнителей обряда и буквы. Такая порча книгъ началась издавна: такъ называемые «худые номоканунцы» были у насъ еще въ XII вѣкѣ.

То же самое и относительно обрядовъ. Отъ недостатка книжнаго наученія не только міряне, но и духовные путались во множествѣ сложныхъ обрядовъ. Это особенно замѣчалось въ Новгородѣ и Псковѣ. Оттуда и пошли по сѣверной Руси обряды, не согласные съ древними греческими, не извѣстные въ южной, кievской Руси, но получившіе значеніе неприкосновенной святыни въ глазахъ ревнителей старины сѣвернаго края. Таковы: сугубая аллилуія, двуперстное сложеніе, ходы посолонь

и пр. На сѣверѣ, то-есть во всей Великой Россіи, всѣ эти обряды стали сильно распространяться и утверждаться съ 1410 года, или со времени раздѣленія русской митрополіи на двѣ половины, московскую и литовскую, окончательно же они утвердились во времена первыхъ московскихъ патріарховъ ¹. Ослабленіе связей съ Константинопо-

¹ И. Д. Бѣляевъ такъ опредѣляетъ происхожденіе двуперстнаго сложенія, обряда, которому старообрядцы наши придаютъ особенно важное, догматическое значеніе: «Двуперстіе распространилось въ XIV вѣкѣ въ Галицкой Руси по случаю распространенія тамъ Армянъ-монофизитовъ. Отсюда, въ XV вѣкѣ, оно перенесено въ Новгородъ, и было усвоено многими, какъ оппозиція ереси Схаріи, или, такъ-называвшихся, «жидовствующихъ». Затѣмъ Θεодоритъ, ученикъ Св. Зосимы Соловецкаго, написалъ извѣстное *Слово Θεодоритово*; вошедшее въ Стоглавъ. (См. *Дѣль* 1863, №№ 9 и 10.) Двойная аллилуія, другой важной, по мнѣнію старообрядцевъ, обрядъ пошелъ, какъ извѣстно, изъ Пскова, тоже въ XV столѣтіи. Во время архіепископа новгородскаго Геннадія (1485 — 1504), и двоили и троили аллилуію, какъ видно изъ слѣдующей отписки къ нему Дмитрія Старога (Дмитрія Толмача) изъ Рима: «Господину преосвященному архіепископу Новагорода и Пскова владыцѣ Геннадію, слуга вашъ, святительства твоего Дмитрій Старой челомъ бьетъ. Велишь еси, господине, отписать къ сръбѣ о трегубной *алл мль уіа*, высмотривъ въ книгахъ. Ино, господине, того и здѣсь въ книгахъ не описано какъ говорити трегубно ли, сугубно ли. Но мнѣ ся помнитъ, что и у насъ споръ бывалъ межъ великихъ людей и они обоя одново осудили *алл мль уіа*, и въ четвертое *слава тебѣ, Боже*, является трипостасное божество и единосущнаго, а сугубное *алл мль уіа* являетъ въ двѣ естествѣ едино божество. Ино,

лемъ и потомъ полная, автокефальная независимость московской церкви, обуславливали невмѣшательство восточныхъ патріарховъ въ великорусскія церковныя дѣла, между тѣмъ литовская половина Руси до конца XVII столѣтія зависѣла вполне и непосредственно отъ цареградской патріархіи и всегда находилась въ болѣе тѣсныхъ связяхъ съ восточными православными церквами чѣмъ московская. Этимъ объясняется замѣчательное и въ наше время явленіе: въ южно-русскихъ областяхъ не было и нѣтъ испорченныхъ обрядовъ и не образовалось раскола: до сихъ поръ въ Малороссіи и западномъ краѣ расколъ чуждъ коренныхъ жителей и содержится одними выходцами изъ Великой Россіи.

Еще при Иванѣ Грозномъ искаженіе обряда и буквы въ Московскомъ государствѣ было уже такъ велико и такъ повсемѣстно, что обратило на себя вниманіе самого царя. Вѣрнѣйшимъ средствомъ отворотить дальнѣйшую порчу книгъ малограмотными переписчиками признано было книгопечатаніе. Стали печатать книги въ Москвѣ, но по тѣмъ невѣрнымъ спискамъ, которые были во всеобщемъ употребленіи. Самое же исправленіе книгъ отлагалось отъ времени до времени. Смутное время, въ на-

какъ глаголетъ человекъ тою мыслию тако добро. *Ал ил уіа* толкуется: *ал* — прииде, *ил* — явися, *уіа* — Богъ — пойте и хвалите живаго Бога. — Инако толкуется: *ал ил уіа* — хвалите Богу или хвалите Господа, или Сущаго хвалите, якоже и Давидъ вопіяше, глаголя: Богъ явѣ приидеть, Богъ нашъ не премолчитъ.»

чалъ XVII вѣка, и послѣдствія его надолго задержали дѣло рѣшительнаго исправленія книгъ. Такъ и шло дѣло до половины XVII вѣка.

Въ это время бархатную мантию съ золотыми источниками надѣлъ Никонъ Мордвиновъ, родомъ изъ села Вельдеманова ¹, человекъ обширнаго ума и непреклонной воли, «собинный другъ» царя Алексѣя Михайловича. Онъ принялъ рѣшительное намѣреніе, во что бы то ни стало, исправить книги и исправленными одновременно и повсемѣстно замѣнить порченныя, какъ печатныя, такъ и рукописныя. Въ 1654 году Никонъ издалъ *Служебникъ*. Въ немъ отмѣнялись нѣкоторые обряды, къ которымъ привыкли и попы, и міряне въ продолженіе не одного столѣтія. Ужасомъ поражены были люди набожные, строгіе ревнители старины и обряда; для ненабожныхъ было все равно. Недовольство патріархомъ обнаружилось тотчасъ же. И гдѣ же? Рядомъ съ патріархіей, въ кремлевскихъ теремахъ, на половинѣ набожной и благочестивой царицы Маріи Ильиничны.

Воспитанная въ старыхъ обрядахъ, свято чтимыхъ Милославскими и всѣми ихъ родственниками и свойственниками, набожная, но неразвитая, благочестивая, но не наученная книжной мудрости, царица съ негодованіемъ встрѣтила Никоновы «новшества». Всѣ окружавшіе ее, самые близкіе къ ней люди, недоброхотно смотрѣли на дѣло Никона. Ста-

¹ Нижегородской губерніи, Княгининскаго уѣзда, на горѣ Тяпкиной.

рикъ Соковнинъ, ея ближайшій совѣтникъ, завѣдывавшій ея частнымъ хозяйствомъ; сыновья его, бывшіе при царицыномъ дворѣ; его дочери — Морозова и княгиня Урусова, самыя любимыя царицею боярыни, сверстницы ея по воспитанію¹; вся родня ея, то-есть Милославскіе, Хованскіе, были истые ревнители обряда и старины. Съ ненавистью смотрѣли они на Никона и хулили его дѣло въ царицыномъ теремѣ. Самъ духовникъ Марьи Ильиничны, благовѣщенскій протопопъ Стефанъ Воинифатьевъ, прежде пріятель Никона, теперь явно ему воспротивился и много недобраго внушалъ своей духовной дочери о «новосоставленныхъ, Никономъ измышленныхъ», обрядахъ. Главные соборяне кремлевскихъ соборовъ были однихъ мыслей съ царскимъ духовникомъ. Такимъ образомъ, при самомъ началѣ церковнаго раздора, во главѣ противниковъ Никона стали царица московская съ ближними къ ней людьми и самое высшее бѣлое духовенство московскаго кремля.

Царь и бояре, кажется, принимали въ этомъ дѣлѣ мало участія. Со времени изданія *Служебника*, Алексѣй Михайловичъ безъ малаго два года почти безъ выѣзда находился въ Литвѣ, побѣдоносно воюя съ польскимъ королемъ.

Изъ кремлевскихъ теремовъ пошелъ расколъ по московскимъ улицамъ, а изъ Москвы, изъ всѣхъ

¹ Изъ нихъ Алексѣй Прокофьевичъ виѣстъ съ Циклеромъ казнень Петромъ I, Морозова и кн. Урусова умерли въ Боровскѣ въ тюрьмѣ, гдѣ содержались за расколъ.

заставъ ея, разлился во всѣ стороны по городамъ, по селамъ и деревнямъ. По городамъ во главѣ раскола стало также высшее бѣлое духовенство. Въ числѣ первыхъ расколоучителей видимъ протопоповъ и поповъ: Никиту — въ Суздагѣ, Аввакума — въ Юрьевцѣ, Лазаря — въ Романовѣ, Данила — въ Костромѣ, Логгина — въ Муромѣ, Никифора — въ Симбирскѣ, Андрея — въ Коломнѣ, Серапіона — въ Смоленскѣ, Варлаама — въ Псковѣ и проч. По селамъ приобыкшіе къ старому обряду попы сначала преспокойно положили новоисправленные книги на клиросахъ, и не заглядывая въ нихъ, пѣли службу по-старому. На первыхъ порахъ сельскій народъ и не замѣтилъ переменъ. Но въ монастыряхъ, гдѣ иночествующая братія была относительно развитѣе и разумнѣе приходскаго духовенства, новый обрядъ былъ принятъ. Въ монастыряхъ служили по-новому, въ приходсахъ по-старому. Народъ, видя такую рознь, соблазнялся. И пошли толки. Между тѣмъ монахи, патріаршіе десятильники и заказчики доносили святѣйшему, что сельскіе попы «ему ослушны: по новымъ книгамъ его исправленія службы Божіей въ приходныхъ церквахъ не поютъ.» По такимъ доносамъ начинались розыски: съ поповъ, уличенныхъ въ службѣ по Іосифовскимъ книгамъ брали денежные пени, сажали ихъ по монастырямъ подъ началъ, упорнѣйшихъ держали въ монастырскихъ поварняхъ на цѣпяхъ. Иногда ослушниковъ воли патріаршей смиряли и батогами. Наказанія ожесточали, и попы дѣлались упорнѣе, думая что страдаютъ за правду,

за старую отеческую вѣру. Стали нѣкоторыхъ, болѣе вліятельныхъ, посылать въ ссылки. Народъ смотрѣлъ на нихъ какъ на мучениковъ за «старую вѣру», укрѣплялся въ стояніи за старину и слушать не хотѣлъ никакихъ увѣщаній о покореніи волѣ святѣйшаго Никона. А между тѣмъ изъ Москвы, изъ палатъ и хоромовъ политическихъ враговъ патріарха, бывшаго тогда почти полновластнымъ правителемъ государства, неслись по сельщинѣ и деревеньщинѣ недобрыя вѣсти: «Никонъ старую вѣру рушить!...» И задумались православные. Задумались и въ Москвѣ, и на Волгѣ, и на Сѣверѣ, и въ Сибири.

И встарь, какъ и теперь, русскій народъ каждое событіе, выходящее изъ ряда обыкновенныхъ и близко касающееся его домашняго быта, его собственныхъ дѣлъ, объясняетъ по-своему. Объясненія бывали и бываютъ иногда до крайности негѣлы, но они всегда замѣчательны, какъ выраженіе народныхъ симпатій и антипатій даннаго времени. Такъ было и при исправленіи церковнаго обряда Никонемъ.

Откуда эти «новшества»? Кто возбудилъ Никона рушить старую вѣру? Чье велѣніе творить онъ? Такіе вопросы, двѣсти лѣтъ тому назадъ, задавали себѣ на Руси ревнители старины. Первымъ виновникомъ оказался, разумѣется, діаволъ, всегда искій кого поглотити, исконный пакостникъ роду христіанскому. А за нимъ — папа римскій, которому на этотъ разъ, разумѣется, и въ голову не приходило ничего подобнаго. Въ то время и Ве-

ликоруссы и Южноруссы были страшно озлоблены противъ Поляковъ и римскаго костела. Въ Московскомъ государствѣ у всѣхъ еще на свѣжей памяти были недавнія событія смутнаго времени и фанатическое звѣрство римскихъ католиковъ въ самыхъ стѣнахъ кремля. Люди Московскаго государства были современниками польскихъ неправдъ и неистовствъ при варварскомъ, насильственномъ, кровавомъ обращеніи Южноруссовъ и Бѣлоруссовъ въ унию. Малороссія только-что поддалась «подъ высокую руку» православнаго царя, избѣгая польско-католическаго ига. Царь въ Литвѣ побѣдоносно мстилъ обиды и многія неправды польскаго короля и пановъ рады. Уже Вильно и Гродно были наши, сама Варшава трепетала въ ожиданіи очереди сдѣлаться московскимъ пригородомъ. Москвитяне находились въ напряженномъ состояніи. Всякое зло приписывалось ненавистнымъ Полякамъ и кознямъ римскаго двора и иезуитовъ. Эта ненависть поддерживалась и усиливалась разными сочиненіями, писанными въ литовской Руси, съ цѣлю охранить православіе отъ католицизма. По тогдашнимъ московскимъ понятіямъ, злѣе, душепагубнѣе латинства во всемъ мірѣ другой ереси не было. И пустили враги Никона по народу слухъ нелѣпный, но за то быстро распространившійся отъ Днѣпра до Байкала и повсюду принятый за истину, не требующую доказательствъ. «Поляки да римскій костель, чрезъ врага Божія Никона, хотятъ замутить русскою землею.» И пошли по народу одни толки за другими. И пошла по людямъ мірская молва, что

по морю морская волна. И было много смятенія въ людяхъ.

«Православный государь за многія неправды полскаго короля и пановъ рады и всей рѣчи посполитой, съ помощію Божіею, и своимъ государевымъ счастіемъ отмщеніе чинить и храбрствомъ своимъ, доброхотствомъ же и многою службою и кровавыми ранами и по́томъ христолюбиваго воинства, православныя церкви отъ прелестнаго папешскаго насилія боронить; — а на Москвѣ сидитъ Мордвинъ и всѣмъ царствомъ мутить, держа руку государевымъ злодѣямъ и послѣдуя богоотметному римскому костелу.» Такъ говорили въ Московскомъ государствѣ.

«Яко новый Іуда и святыхъ православныя вѣры догматовъ отметникъ, Исидоръ митрополитъ зломудренный, на злочинномъ флоренскомъ соборѣ латинскую ересь прія и римскому папезу любезно прилѣпился; яко бѣсовскій сынъ и страдникъ Игнатій Грекъ, во дни растригины на патриаршемъ престолѣ бывый и Божіимъ попущеніемъ, врага же человѣческаго діавола дѣйствомъ, жезлъ святителя Петра въ скверной руцѣ своей державый, пагубному костелу и зловѣрнымъ езувитамъ, тако же и папезу римскому себѣ предаде; — тако и сей многомятежный Никонъ, смутитель Россійскія земля, латинскую, Богомъ ненавидимую ересь прія, къ римскому костелу прилѣпился, повелѣнія зломудраго папеза творяи, проклятаго папы Формоза и сына погибельнаго Петра Гугниваго преданія соблюдая, крайнюю лесть богомерзкаго латинскаго уче-

ніа... въ людяхъ Московскаго государства проповѣсть, хотяй всѣхъ православныхъ христіанъ широкими путями пространнаго житія въ кромѣшную бездну адову ко отцу своему діаволу привести.» Такъ говорили на Москвѣ, такъ говорили по городамъ, по селамъ, по деревнямъ.

«Никонъ, толковали, приѣмшій латинскій (четвероконечный) крѣзь, ругаяся истинному и животворящему кресту Господню, трисоставному, осмиконечному, нашилъ его, святынѣ и Богу Всевышнему ругаяся, на своихъ башмакахъ, да скверныма своима ногама ежечасно попираеть святое знаменіе, его же бѣси трепещуть и еже вселенную утверди.

«Никонъ, говорили, отметнувъ святыи жезлъ Петра чудотворца, повелѣ его своимъ страдникамъ въ нуждную яму вкинути, а на своемъ скверномъ жезлѣ змій антихристови нѣмецкою хитростію устрои, и егда свою литургію богоотметную служить, благочестивые и хриstopодражательніи людіе во очію зрять, яко не святыи омофоръ, но нѣкій мерзкій и прешрашный, чермный змій на плещахъ его виситъ, полазая и трегощуще.»

Таковы были народные толки о Никонѣ. ¹ И раз-

¹ Все это буквально взято изъ раскольнической рукописи *Пореченія на новолаленнаю Аріа, Несторія же и Діоскора, рекше Никона патріарха*. Рукопись въ восьмушку, 152 страницы, безъ конца, новаго письма, нынѣшняго столѣтія; но она, по всему видно, списокъ съ сочиненія современнаго Никону. Рукопись, какъ видно изъ надписи, принадлежала Тарасу Колосову, старообрядцу Балахонскаго уѣзда, Нижегородской губерніи.